

Целищев А.О.,
Уфа

НЕМЕЦКИЕ ПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БАШКИРИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1918–1922 гг.)

В последнее время внимание широкой общественности и научных кругов приковано к гуманитарным проблемам. Среди них особое место занимает судьба пленных различного рода войн. Это в совокупности со стремлением воздать должное уважение памяти жертв мировых войн способствовало оживлению изучения трагедии пленных первой мировой войны, к какой бы воюющей стороне они не принадлежали. В данной работе рассматривается положение немецких военнопленных и интернированных германских подданных, т.н. гражданских пленных, которые находились на территории Башкирии после Октябрьской революции.

Ко времени победы большевистской революции в России находилось 187 тыс. немцев-военнопленных и 214 тыс. интернированных германских граждан¹. В границах Башкирии их проживало более 70 тыс. человек². Следовательно, данная территория являлась одним из мест концентрации пленных, а впоследствии Башкирия стала важным перевалочным пунктом эвакуации пленных на родину из Сибири.

Необходимо отметить, что и до революции положение пленных не было легким. Так, например, делегат Шведской королевской миссии отмечал существенные ограничения прав пленных: введения для них комендантского часа после восьми часов вечера, местное население на своих сходах принимало решение об их выселении, пленным запрещали покупать продовольствие на рынках наравне со всеми, поэтому продукты они закупали у перекупщиков по цене в 5–10 раз дороже рыночных, им запрещали писать письма на немецком языке, видимо для облегчения работы цензорам, изъятия из посылок, направляемых с родины пленным, части продовольствия и одежды и т.д. Но самое главное, что требовал делегат от властей: защитить пленных от насилия со стороны местных жителей и особенно от солдат, находившихся в отпусках, вымещавших на пленных недовольство войной. К тому же, местные милиционеры, вместо защиты пленных, сами присоединялись к насилию над ними вместе с жителями³.

Хаос революции и гражданской войны, одним из важных театров военных действий которой стала Башкирия, не могли негативно не ска-

заться на уровне жизни и самом существовании пленных. Территория края неоднократно переходила из рук в руки противников, существенную роль сыграло развитие башкирского национального движения. Сам край стал местом, где свирепствовали эпидемии, главным образом сыпного и возвратного тифа. Многие документы в связи с тяжелыми условиями политического и военного развития не сохранились.

Местным советским органом, которому было поручено ведение дел военных и гражданских пленных, была Уфимская губернская коллегия о пленных и беженцах (Губпленбеж), созданная в 1918 г. (имеются документы датированные 2 июля 1918 г.) Однако она постоянно подвергалась структурным преобразованиям. С 27 мая 1919 г. это ведомство перешло в ведение НКВД на правах самостоятельного органа. В 1920 г. оно преобразовано в Уфимское губернское управление по эвакуации населения (Губэзвук). На его основе приказом №757 НКВД РСФСР от 20.12.1921 г. был создан Уфимский линейный эвакуационный пункт в составе Восточной базы (г. Самара), который был окончательно ликвидирован 1 сентября 1922 г. Данное ведомство состояло из центрального (Уфимского губернского) аппарата и шести уездных подразделений (Златоустовского, Мензелинского, Стерлитамакского, Белебеевского, Бирского и Уфимского). Губернский аппарат состоял из 66 человек и включал в себя Президиум, административно-распорядительный отдел, бухгалтерию, эвакуационно-учетный, снабжения и продовольствия с хозяйственной частью, медико-санитарный отделы и лагерь для военнопленных. В Златоустовском, Мензелинском, Стерлитамакском и Уфимском отделениях работало по 7 чел., а в Бирском и Белебеевском по 5 чел. Постоянные реорганизации и бесконечные смены руководства (ни один из них не проработал более полугода в должности начальника ведомства), низкая оплата труда служащих не могли положительно сказаться на работе данного ведомства. Впрочем, в уездных подразделениях положение было еще хуже. Например, документация находилась в столь плачевном состоянии, что начальник Мензелинского управления не смог сообщить судьбу значительной части иностранных военнопленных.

До германской революции попечение о делах пленных находилось в ведении имперских германских миссий. После Ноябрьской революции в Германии ведение делами пленных – германских подданных перешло в ведение революционного совета германских рабочих и солдат. Он открыл 15 июля 1919 г. свое отделение в г. Уфе. Им руководил первоначально Адольф Фрелих, затем Вильгельм Тиллис. Гер-

манский совет являлся «представителем германского пролетариата в России... организован революционным путем и заменяет бывшую имперскую германскую миссию»⁴. В качестве своих основных задач совет определял эвакуацию пленных на родину, проведение агитации в пользу Советской власти против социал-предательского правительства Германии. Следовательно, совет имел две стороны деятельности: 1. хозяйственно-организационная – он содержал в Уфе 2 лазарета, 4 приюта для стариков, детей и инвалидов, детский приют на даче Гуревича, снабжал пленных продовольствием и обмундированием; 2. политическая – его целью было «подвергать планомерной политической обработки пленных с тем, чтобы те прибывали на родину политически зрелыми революционерами, готовыми с оружием в руках встать в ряды борцов за интересы пролетариата». Не случайно, что при иностранных советах в Уфе 24 октября 1919 г. была организована иностранная ячейка РКП(б) при Губкоме РКП(б)⁵. В нее влилась иностранная секция коммунистической партии большевиков при Губкоме РКП(б). 5 апреля 1920 г. была основана немецкая секция Уфимского губкома РКП(б).⁶ Следовательно, политическая агитация среди немецких военнопленных активно проводилась с согласия советских властей, в то время как советское руководство протестовало против идеологической обработки русских пленных в Германии.

Уже в декабре 1919 г. местное отделение Германского совета было ликвидировано в соответствии с Протоколом совещания в Центропленбеже от 17 октября 1919 г. Все иностранные советы переходили в подчинение Центропленбежа. Прием дел от Германского совета в Уфе был признан законченным 25 декабря 1919 г.

Ко времени окончательного утверждения советской власти в Башкирии осталось 7 тыс. германских граждан, большинство из них проживали в России до начала мировой войны. В основном пленные состояли из стариков до 85 лет, больных и детей, в то время как здоровые и молодые выехали на родину за собственный счет или поступили в ряды Красной Армии⁷. По данным врачебного обследования из находившихся в Уфе пленных более половины переболело сыпным тифом, ибо больные и здоровые находились в одном помещении. В день заболело по 20–30 чел. Источником эпидемии были возвращавшиеся из германского плена русские. Эпидемия довела проживающих в Уфе немцев «до порога отчаяния». Их силы были подорваны болезнями, постоянным недоеданием, оторванностью от родины и ужасом перед

надвигающейся осенью и зимой. Единственной возможностью их спасения, полагала врачебная комиссия, состояла в их эвакуации на родину или, по крайней мере, в эвакуации их до г. Самары, подальше от фронта.

Первоначально германские пленные получали в лагере для пленных довольствие исходя из красноармейского пайка, исходя из 5 руб. 39 коп. на человека в день. Пайек включал в себя 1/2 фунта мяса, 6 золотников соли, 8 золотников жира, 4 золотника сушеных овощей, 60 золотников свежих овощей, 4 золотника муки подбеленной, 0,24 золотника чая, 8 золотников сахара, 1,2 фунта муки, 2 фунта хлеба, 0,25 фунта крупы⁸. Но так дело обстояло только на бумаге, само ведомство признавало положение с продовольствием как плохое. Военнопленные, по сведениям Губпленбежа, совершенно разуты и раздеты и осаждают управление громадной толпой с требованием выдачи обмундирования в связи с наступлением холодов и парализовали работу ведомства⁹. Нормы одежды были установлены приказом № 167 от 17 ноября 1920 г.: пленным выдавались только те вещи, которых они в момент выдачи совершенно не имеют или взамен вещей, пришедших в полную негодность. В полный комплект одежды входили следующие вещи: 1 комплект белья (рубашка, нижнее белье, пара портянок и 2 полотенца), 1 комплект верхней одежды (один раз в год выдавалась верхняя рубашка и шаровары, холодные или ватные), фуфайка, лапти, зимой пальто и теплые перчатки.

Тяжелое положение с продовольствием в стране отразилось на положении. Нормы выдачи продовольствия были пересмотрены 1 января 1920 г. приказом № 408 Центропленбежа. В зависимости от наличия продуктов вводились две нормы питания: основная и голодная (соответственно 1968 и 1446 калорий). Но и эти нормы постоянно подвергались сокращениям.

В этой сложной обстановке с продовольствием были случаи обворовывания пленных со стороны обслуживающего персонала. Так сторож уфимского лагеря для военнопленных Степан Акимов выдавал пайковые меньше установленных норм и остатки обращал в свою пользу. Он был пойман и отправлен в Губчека. После этого случая все продукты взвешивались и выдавались только в присутствии двух представителей от военнопленных и данные заносились в особый протокол, который ежедневно отправляли в Губпленбей¹⁰.

Положение военнопленных обострилось в августе 1919 г., когда было принято решение о прекращении эвакуации пленных в Германию из-за

обострения межгосударственных противоречий с этой страной. Возобновление эвакуации стало возможным с лета 1920 г., когда началась массовая отправка на родину немецких пленных¹¹. 3 декабря 1920 г. был отдан приказ об отправке всех оставшихся австрогерманцев в Москву¹². Однако в списках иностранных военнопленных германские подданные фигурируют еще в мае 1922 г., хотя основная часть германских подданных покинула территорию края в декабре 1920 – феврале 1921 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Газизов К.Г. В борьбе рожденное братство // Германской демократической республике 40 лет. Тезисы научной конференции. Уфа, 1989

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1694. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 14.

³ Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 229.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп.1. Д. 71. Л. 2.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. П-1. Оп.1. Д. 38. Л. 9.

⁶ Там же. Д.264. Л. 2.

⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р. 1694. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.

⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 12.

⁹ Там же. Ед. хр. 2. Л. 82.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-1694. Оп.1. Ед. хр. 5. Л. 36.

¹¹ Там же. Ед. хр. 7. Л.20.

¹² Там же. Ед. хр. 9. Л. 179.

Шумилов Е.Н.,
Пермь

ПЕРМСКИЙ «СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК» (некоторые сведения из истории Бомовщины)

В сложные для России исторические периоды в ней всегда появлялись иностранцы – авантюристы, умело использовавшие «смутное время» в личных интересах. Так было и в годы гражданской войны, когда на территории Пермской губернии оказались тысячи военнопленных немцев. Среди них заметно выделялась колоритная фигура Генриха Ульриховича Боома. Если судить по тому, как Боом свободно говорил и писал (сохранились его автографы) по-русски, он, скорее всего, до первой мировой войны жил в России и, может быть, даже в Пермской губернии. Дело в том, что с 1908 до 1914 г. в Кунгурской уездной земской управе служил техником по строительной